

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

29086882
115
115
115

Образотворчі
технології

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1981–1982.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. — М., 1988.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — 2-е изд, доп. — М.: Рус. яз., 2000.
6. Малинин Н. Твою мать?! // Столица, 1991, № 28. — С.46–50.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — Спб.: Норинт, 2001.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. — М.: Прогресс, 1987.
9. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов /Е. Я. Шейнина. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торсинг», 2001.

Т.В. Слива

МЕСТО АССОЦИАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Признание возможности исследования лексики как системы предполагает некую методологию, в соответствии с которой таковое исследование будет осуществляться. Любой носитель языка, даже не имеющий специального филологического образования, легко систематизирует предложенный ему набор слов, если среди них есть те, которые специалистами квалифицируются как синонимы, антонимы, омонимы и т. д. Тем самым он (носитель языка) вычленит отдельные элементы, в своей совокупности и изоморфности составляющие некую структуру, и эту структуру можно рассматривать как систему при условии наличия определенных закономерностей ее строения. Такой закономерностью является связь между словами на семном уровне.

К настоящему времени различные типы семантических группировок слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении, описаны как в теоретических работах (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В.И. Кодухов, А.М. Кузнецов, Л.В. Малаховский, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, А.Н. Тихонов, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.), так и в лексикографических изданиях (тезаурусы, идеографические словари, словари синонимов, антонимов, омонимов и другие).

Так, М.В. Никитин основой лексической системы видит отношения часть — целое: «Очевидно, что отношения часть — целое пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей — целых, элементов — систем (структур). Эти отношения столь же универсальны и глобальны, как многообразные многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих ей признаков и закономерностей» [9, 442].

Такое видение основного принципа системности лексики не противоречит, а является смежным традиционному пониманию того, что в основе лексической системы лежит парадигматика. В любую парадигму лексемы входят на основе общих семантических признаков, противопоставляясь при этом друг другу с помощью дифференциальных элементов значения, то есть распределение слов по лексико-семантическим парадигмам базируется на интегрально-дифференциальных отношениях. При этом межсловные парадигмы представляют собой объединения слов на основе ассоциаций сходства, они обнаруживают системность лексики «в разных измерениях», иллюстрируя многообразие тех ассоциаций, которые группируют и поляризуют лексику, становясь основой парадигмы.

Особенностью исследования лексических парадигм является неоднозначность толкования выделяемых группировок, смешение понятий «семанти-

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1981–1982.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. — М., 1988.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — 2-е изд, доп. — М.: Рус. яз., 2000.
6. Малинин Н. Твою мать?! // Столица, 1991, № 28. — С.46–50.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — Спб.: Норинт, 2001.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. — М.: Прогресс, 1987.
9. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов /Е. Я. Шейнина. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торсинг», 2001.

Т.В. Слива

МЕСТО АССОЦИАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Признание возможности исследования лексики как системы предполагает некую методологию, в соответствии с которой таковое исследование будет осуществляться. Любой носитель языка, даже не имеющий специального филологического образования, легко систематизирует предложенный ему набор слов, если среди них есть те, которые специалистами квалифицируются как синонимы, антонимы, омонимы и т. д. Тем самым он (носитель языка) вычленит отдельные элементы, в своей совокупности и изоморфности составляющие некую структуру, и эту структуру можно рассматривать как систему при условии наличия определенных закономерностей ее строения. Такой закономерностью является связь между словами на семном уровне.

К настоящему времени различные типы семантических группировок слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении, описаны как в теоретических работах (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В.И. Кодухов, А.М. Кузнецов, Л.В. Малаховский, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, А.Н. Тихонов, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.), так и в лексикографических изданиях (тезаурусы, идеографические словари, словари синонимов, антонимов, омонимов и другие).

Так, М.В. Никитин основой лексической системы видит отношения часть — целое: «Очевидно, что отношения часть — целое пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей — целых, элементов — систем (структур). Эти отношения столь же универсальны и глобальны, как многообразные многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих ей признаков и закономерностей» [9, 442].

Такое видение основного принципа системности лексики не противоречит, а является смежным традиционному пониманию того, что в основе лексической системы лежит парадигматика. В любую парадигму лексемы входят на основе общих семантических признаков, противопоставляясь при этом друг другу с помощью дифференциальных элементов значения, то есть распределение слов по лексико-семантическим парадигмам базируется на интегрально-дифференциальных отношениях. При этом межсловные парадигмы представляют собой объединения слов на основе ассоциаций сходства, они обнаруживают системность лексики «в разных измерениях», иллюстрируя многообразие тех ассоциаций, которые группируют и поляризуют лексику, становясь основой парадигмы.

Особенностью исследования лексических парадигм является неоднозначность толкования выделяемых группировок, смешение понятий «семанти-

ческое поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа» и др. К концу XX века в восточнославянском языкознании было принято выделять следующие виды лексических парадигм: 1) омонимическая парадигма (ОП); 2) синонимическая парадигма (СП); 3) антонимическая парадигма (АП); 4) тематическая парадигма (ТП); 5) гиперо-гипонимическая или гипо-гиперонимическая парадигма (ГТП); 6) лексико-семантическая группа слов (ЛСГ) [4, 84].

Для лексикологии последнего десятилетия характерно использование если не иной систематизации парадигм, то введение новой терминологии. Так, М.А. Кронгауз отмечает, что «самыми важными парадигматическими отношениями, с семантической точки зрения, следует признать отношения синонимии, антонимии, несовместимости, гипонимии и некоторые другие» [7, 169]. М.В. Никитин полагает, что «главным фактором смыслового упорядочения словаря являются гипер-гипонимические (родо-видовые, категориально-спецификационные) и партитивные семантические связи. Их действие распространяется на весь словарь, благодаря им словарь предстает как целостная иерархическая структура» [9, 404]. К основным видам семантической связи слов он относит также «связи синонимические, оппозитивные (антонимические и конверсивные) и эквонимические. Все они, однако, принципиально отличны от гипер-гипонимии (или просто гипонимии) и партитивных отношений тем, что образуют не глобальные семантические структуры словаря, а семантические микроструктуры (микросистемы) слов на отдельных участках словаря» [там же, 405].

Особое место, видимо, следует уделить партитивным отношениям как наименее описанным, на что обращает внимание и М.В. Никитин: «Понятие о части и имя этого понятия обозначаются как партитивы. Однако терминология этой области еще не вполне сформирована, в ней есть пробелы, и она требует дополнения и уточнения. Понятие о целом и имя этого понятия пока еще никак не названы, и для этой цели может быть предложен термин *холоним* (от греч. *holos* — весь, целый). ... Другим возможным обозначением понятия и имени части вместо партитива могли бы быть *партоним* или *мероним* (от греч. *meros* — часть)» [там же, 442]. Следует заметить, что М.А. Кронгауз, описывая отношения части и целого, оперирует именно понятием и термином *меронимия* [7, 181]. Сам М.В. Никитин отдает предпочтение термину *партонимия*, а «само предметное (онтологическое) отношение целого и части», как он полагает, «может быть названо холо-партитивным или просто партитивным» [9, 443].

В энциклопедическом словаре «Языкознание» термин *парадигма* (< греч. *paradeigma* — пример, образец) определяется как «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации...» (здесь и далее подчеркнуто нами — Т.С.) [18, 366]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой вокабула *парадигматика* подается с синонимом «ассоциативный план» [1, 324], а, согласно теории Ф. де Соссюра, описать механизм языка можно через отношения, которые сводятся либо к синтагматическим, либо к тем, которые он называл *ассоциативными* (позднее Ельмслев предложил название «парадигматические»): «Вне процесса речи слова, имеющие между собою что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [13, 120]. Д.Н. Шмелев также говорит о линейных (синтагматических) и *ассоциативных* (парадигматических) внутриязыковых отношениях двусторонних единиц (каковыми являются и единицы лексики — слова, имеющие материальную «форму» и смысловое «содержание») [17, 191]. Из сказанного следует, что парадигматические отношения — это отношения, построенные на определенных ассоциациях.

Еще Ф. де Соссюр утверждал, что «ассоциация может сближать слова, связанные между собою только по смыслу» [13, 133]. Таким образом, источником образования ассоциаций служит значение, непосредственно присущее слову.

Практически бесспорным в лексикологии является признание связей между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) многозначного слова как ассоциативно-семантических: «значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность)» [17, 71]. Л.А. Новиков выделяет два вида многозначности: ассоциативную (или семасиологическую), при которой «...связь значений (ЛСВ) ...основана только на ассоциативном признаке (их языковой мотивированности), который вскрывается в толковании этих значений в виде общих компонентов...» [11, 203] и ассоциативно-понятийную (или семасиолого-ономасиологическую), «когда значения слова связаны не только ассоциативным признаком, но и общими содержательно-понятийными компонентами, т. е. элементами сигнификативного (здесь и выше выделено автором — Т.С.) характера» [там же, 204].

Дискуссионным в языкознании является вопрос об омонимии, поскольку многие исследователи даже не относят это явление к парадигматике слова. Так, еще Ш. Балли утверждал, что «значения омонимов воспринимаются как разнородные и не связанные друг с другом никакими ассоциативными связями» [2, 191]. Аналогичного мнения придерживается Д. Н. Шмелев: «...значения слов-омонимов отражают явления действительности независимо друг от друга, между ними не существует какой-либо ассоциативной связи» [17, 81] и М.И. Фомина: «слова-омонимы характеризуются прежде всего тем, что они соотносятся с тем или иным явлением действительности независимо друг от друга, поэтому между ними не существует никакой ассоциативно-понятийной связи, свойственной разным значениям многозначных слов» [15, 56]. (Известно, что в лингвистике до сих пор нет единого понимания способов разграничения полисемии и омонимии, которые некоторыми авторами, в частности М.П. Кочерганом, толкуются как два явления, объединенных в одно понятие неоднозначности [6, 43].)

Если признать критерием разграничения упомянутых явлений присутствие либо отсутствие ассоциативной связи, то омонимию можно причислить к парадигматическим явлениям, поскольку «системность омонимического ряда проявляется в наличии интегральных признаков (плана выражения) и дифференциальных признаков (плана содержания)» [4, 84], то есть, ОП — явление формально-семантического порядка, когда ассоциация возможна только на уровне формы.

Ассоциативная связь имеет место и в синонимической парадигме, часто определяемой как синонимический ряд, или синонимическое гнездо.

Вопрос о лексических синонимах, существующий в науке еще со времен античности, не утратил своей актуальности в настоящее время (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, А.А. Брагина, А.Д. Григорьева, А.П. Евгеньева, Л.А. Новиков, Д.Н. Шмелев и др.), но до сих пор нет однозначного понимания этого явления (в традиционном его истолковании) вплоть до полного его отрицания в языке. М.В. Никитин полагает, что «под общим названием синонимия объединяют несколько разнородных, хотя и схожих внешне явлений» [9, 450-451]. Однако общепризнанным является тезис о семантическом признаке (тождественность либо близость значений) как об интегральном и о различии в звучании (написании) и функционально-стилевом употреблении как о дифференциальных признаках. Наличие у синонимов общего семантического признака, который

может послужить основой для взаимных ассоциаций, возвращает нас к теории Аристотеля, а именно — к ассоциации по сходству как одному из четырех типов ассоциаций.

Традиционно в СП выделяется доминанта — слово с максимально ёмким в информационном плане и нейтральным с точки зрения стилистико-стилевого маркирования значением, которое является «семантической точкой отсчета для других членов парадигмы» [4, 90]. Отношения членов СП определяется законом смысловых ассоциаций. Например, критерием при выборе опорного слова является характер его значения. Чем четче граница этого значения, чем меньше у него ассоциаций с другими значениями этого же слова, тем больше оснований для выбора его в качестве доминанты. Этот же закон объясняет способность слов иметь несколько соотносимых значений в пределах синонимического ряда: «параллельные значения слов-синонимов являются закреплением в языке закона смысловых ассоциаций, в силу которого слова со сходным значением могут иметь сходную семасиологическую историю и новое значение слова распространяется на другие слова данной семантической сферы» [16, 182].

В лексикологии используется родовое обозначение языковых единиц с противоположным значением — оппозитивы, в ряду которых выделяются антонимы и конверсивы [9, 455]. В отношении антонимии и ее связи с ассоциациями лексикологи единодушны, и подавляющее их большинство полагают, что связь между членами АП основана на ассоциации. Возвращаясь к Аристотелю, отметим, что изначально противоположные значения были обнаружены в речи по ассоциациям (благодаря субъективному опыту человека). Ш. Балли противопоставлял явления омонимии и антонимии: в отличие от омонимов антонимы проявляются на фоне одного общего понятия: «эти противоположные значения ассоциируются (выделено нами — Т.С.) с именем одного и того же понятия», — отмечал швейцарский лингвист.

В отечественном языкознании еще Л.А. Булаховский утверждал, что «ассоциация по противоположности (предполагающая одновременно наличие сходства в каком-то отношении) лежит в основании различения антонимов — слов с противоположным значением» [15, 126]. Все последующие определения антонимов можно свести к одному, «инвариантному»: «Антонимы — это слова с противоположными, но соотносительными лексическими значениями» [14, 11]. Л.А. Новиков причислил ассоциации по контрасту «к числу важнейших ассоциаций, указывающих на тесную связь слов в лексико-семантической системе языка» [10, 19]. Е. Н. Миллер в ходе исследования антонимии приходит к выводу о существовании сильной семантической связи между членами АП и об их способности вызывать в сознании наиболее устойчивые ассоциативные связи: «Антонимы возникают, функционируют, развиваются в речи, образуют антонимичные оппозиции, потенциальную антонимичность — ассоциативное соположение (выделено автором — Т.С.) противоположных значений» [8, 203].

Паронимы как феномен лексической системы русского языка привлекли внимание лингвистов (Ю.А. Бельчиков, О.В. Вишнякова, В.П. Григорьев, Л.А. Киселева, М.С. Панюшева и др.) значительно позже, чем упомянутые выше парадигмы. Традиционно под паронимами понимают лексемы, имеющие звуковое сходство, как однокоренные, так и слова со случайным фонетическим подобием. Во втором случае паронимы следует рассматривать, скорее, в контексте учения о звуковых повторах, созвучиях речи. Объектом изучения лексикологии (семантики) являются однокоренные слова, то есть имеющие не просто

звуковое, а и словообразовательное сходство, поскольку именно «структурное сходство паронимов обуславливает их известную смысловую соотносительность» [18, 368]. Возвращаясь к теории Ф. де Соссюра, отметим, что одним из видов ассоциаций лингвист называет ассоциации на основе общего корня [13, 137].

Не все исследователи признают тематическую классификацию лексики, характеризуя ТГ как «некую систему слов, объединенных на основе критериев нелингвистических, внелингвистических, нередко — на основе их ситуативной смежности» [12, 8]. Многие противопоставляют понятия ЛСГ и ТГ, постулируя наличие общности языковых значений членам ЛСГ и наличие экстралингвистической общности членам ТГ. Так, например, Д.Н. Шмелев не относит ТГ к парадигмам, полагая, что тематические группы (названия одежды, растений, животных и подобные) объединяют слова «не на основе того или иного противопоставления друг другу по какому-то различительному признаку, а на основе наличия у них как раз только общего родового признака» и, следовательно, «не представляют собой каких-либо лексических «микросистем» в подлинном смысле слова... Их значение характеризуется такой совокупностью признаков, которая, действительно, стоит вне собственно лингвистических измерений» [17, 151]. Дискуссионно, на наш взгляд, мнение Л.М. Васильева, который утверждает, что слова, образующие ТГ, «объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой», однако «общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна» [3, 110]. Видимо, объединение лексем в тематические парадигмы все же имеет лингвистические основания: к одной ТГ относятся слова, имеющие в своем значении интегральную гиперсема, которая называет понятия одного уровня обобщения («...слова одной тематической группы имеют минимум одну общую сему» [12, 9]). Принято считать, что данная гиперсема обычно является основой для возникновения взаимных ассоциаций.

Иную точку зрения имеет М.В. Никитин, который отмечает, что «к сожалению, понятие тематической общности получает разноречивое толкование у разных исследователей, часто весьма широкое и неопределенное. Поэтому в интересах научной строгости указанные семантические отношения следует обозначить как конгломеративные, слова, связанные конгломеративными отношениями, — как конгломеративы, а образуемые ими лексико-семантические общности — как конгломеративные группы. Как видим, партитивы отличаются от конгломеративов тем, что общая сема партитивного отношения у группы партитивов отыскивается в гиперсеме, а у группы конгломеративов — в импликационале их значений» [9, 446].

На тематических связях основывается и гиперо-гипонимическая парадигма. От тематического ряда последняя отличается наличием родо-видовых отношений между гиперонимом и гипонимами [4, 99]. Гиперо-гипонимические отношения являются одними из самых частотных парадигматических связей. Логическую основу гипонимии составляют отношения включения предметов (свойств, признаков) в соответствующее множество предметов, где носителем частных признаков является видовое понятие, а общих — родовое. Предпосылкой для возникновения ассоциаций между членами данной парадигмы является отношение общего и частного, универсальное для человеческого мышления.

Семантическая соотнесенность лексем — основной признак лексико-семантической группы. Все члены ЛСГ содержат в своей структуре общий семантический признак, наряду с которым в значении представлены другие признаки, являющиеся дифференциальными.

Вышесказанное подтверждает версию Ю.Н. Караулова о том, что «ассоциация является необходимой предпосылкой существования семантической

связи: если есть семантическая связь, то есть и ассоциация (выделено нами — Т.С.), но обратное неверно» [5, 180].

Итак, необходимым условием для возникновения ассоциативной связи между языковыми единицами является наличие семантической связи, хотя ассоциативно связанные слова не всегда связаны в смысловом отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с 3-го франц. Изд. /Е. В. и Т. В. Вентцель/ — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1955. — 416 с.
3. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. — 1971. — №5. — С.105-113.
4. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Щеболева И.И. Современный русский язык. Часть 1. — М.: Просвещение, Владос, 1995.
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. — М., 1976. — 355 с.
6. Кочерган М.П. Лексична сполучуваність і полісемія // Мовознавство. — 1977. — №5. — С. 57-68.
7. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. — 2001. — 399 с.
8. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. — Изд-во Саратов. ун-та. — 1990. — 222 с.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. — С.-Петербург, Научный центр проблем диалога, 1996. — 760 с.
10. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лингвистике. — М., 1973. — 290 с.
11. Новиков Л.А. Семантика русского языка // Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. — М.: Изд-во РУДН. — 2001. — 672 с.
12. Новикова Н.С. Тематическая группа как семантический компонент текста // Русский язык в национальной школе. — 1985. — №5. — С. 8-13.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — Екатеринбург. Изд-во Уральского ун-та, 1999. — 426 с.
14. Тихонов А.Н., Саидова С.М. Русская антонимия. — Уфа: БГУ, 2000. — 54 с.
15. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. — М.: Высшая школа, 1983. — 335 с.
16. Цыганова В.Н. Синонимический ряд // Очерки по синонимике современного русского литературного языка / Отв. ред. А.П.Евгеньева. — М.-Л., 1966. — С. 167-184.
17. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973. — 280 с.
18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — 688 с.

Н.В. Хруцкая

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время разрушительное влияние внешней среды (экстралингвистические процессы) способствует как динамике внутриязыковых системных процессов, так и флуктации самой системы языка, о чем свидетельствует деструкция кодифицированных языковых норм.

О расшатывании кодифицированной литературной нормы свидетельствуют многочисленные **орфографические варианты**, появившиеся в русском языке в последние десятилетия, что обусловлено, в первую очередь, интенсификацией процесса заимствований в социуме в конце XX века и начале XXI века. Высказываются различные точки зрения относительно квантитативности и квалитативности иностранных слов (в основном англицизмов и американизмов), особенностей их освоения (графических, фонетических, грамматических), их взаимоотношения с исконно и собственно русской лексикой, ранее заимство-